

ПРОБЛЕМА «ИНОГО» И «СУБАЛТЕРНА» В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ: ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Филиппова Татьяна Владимировна

старший преподаватель, ФГБОУ ВО Литературный институт им. А.М. Горького
tangrol@yandex.ru

THE PROBLEM OF THE "OTHER" AND THE "SUBALTERN" IN POSTCOLONIAL DISCOURSE: LINGUOPoETIC AND CULTURAL STUDIES ASPECTS

T. Filippova

Summary: The article is devoted to the analysis of the category of the "Other" or "subaltern" in the context of postcolonial literary studies. It examines key concepts of E. Said and G. Spivak, mechanisms of identity construction through the opposition "Own — Alien", and highlights criteria by which the categories of "subaltern — hero" in postcolonial literature are formed. Particular attention in the article is given to the ways of representing subjectivity in Anglophone Indian literature.

Keywords: subaltern studies, subaltern hero, Anglophone Indian literature.

Аннотация: Статья посвящена анализу категории «Другого» или «субалтерна» в контексте постколониальных исследований литературы. Рассматриваются ключевые концепции Э. Саида и Г. Спивак, механизмы конструирования идентичности через оппозицию «Свой — Чужой», отмечаются критерии, благодаря которым формируются категории «субалтерн-героя» постколониальной литературы. Особое внимание в статье уделяется способам репрезентации субъектности в англоязычной литературе Индии.

Ключевые слова: субалтерн-исследования, герой-субалтерн, англоязычная литература Индии.

В современной гуманитарной науке категория «субалтерн-герой» вышла за пределы исходного определения А. Грамши, обозначая субъекта, лишённого права на политическую и социальную репрезентацию. Методологической базой исследования послужили труды ключевых теоретиков Группы исследований субалтернов («Subaltern Studies»), таких как Г.Ч. Спивак [2], Х. Бхабха [6] и Р. Гуха [7].

Основной целью статьи является выделение универсальных характеристик субалтерн-героя, позволяющих классифицировать его как специфический тип литературного и исторического субъекта.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления классического подхода к категории «субалтерн» и анализа текстов, созданных в условиях культурного гибридизма. В данной статье мы проанализируем, как «Иной» репрезентируется в художественной ткани произведений и какие языковые стратегии используются для закрепления или преодоления колониальной дистанции, что формирует критерии «субалтерн-героя» в литературе постколониальных стран (на примере Индии).

Фундаментом для изучения проблемы «Иного» послужила работа Эдварда Саида «Ориентализм» [1], где «Другой» (Восток) предстает как конструкт, созданный

западным воображением для утверждения собственного доминирования. Однако Гаятри Чакраворти Спивак в своем эссе «Могут ли подданные говорить?» усложняет эту схему, вводя категорию «субалтерна». Для современной литературы народов мира принципиально важно, обладает ли «Иной» правом голоса или он остается лишь объектом описания в рамках имперского нарратива. В художественном тексте оппозиция «Я — Другой» реализуется на нескольких уровнях:

1. Лексико-семантический (свой/чужой язык):

Использование экзотизмов, варваризмов и «непереводимых» культурных концептов (диалекты, языки малых социально-культурных групп, не доминирующих в регионе), которые маркируют чужеродность и инаковость. Раджит Гуха в своих работах по индийской историографии указывает, что субалтерн определяется через отрицание — это тот, кто не включен в доминирующую властную структуру колониальной или национальной элиты. Гаятри Чакраворти Спивак в своем программном эссе «Могут ли субалтерны говорить?» радикализирует эту идею, утверждая, что сам акт высказывания субалтерна всегда опосредован дискурсом господствующей культуры, что делает его «немым» в пространстве официальной истории. Отсюда появление безграмотных, немых персонажей, либо персонажей, не имеющих права ведения диалога с окружающим миром,

только внутренний диалог становится ведущим нарративом таких произведений.

Важным аспектом является трансформация языка бывшей метрополии (английского, французского, португальского). Авторы «присваивают» этот язык, насыщая его местными идиомами и синтаксическими конструкциями [3].

Спивак вводит понятие эпистемологического насилия — процесса, при котором западные интеллектуальные структуры (включая область гуманитарного знания) переписывают опыт угнетенного в категориях колонизатора. Субалтерн оказывается заперт в ловушке: либо он говорит на языке господина (тем самым теряя идентичность, становясь частью западного дискурса), либо он остается «нем» для культуры. Отсюда вытекает отсутствие независимой дискурсивной позиции нарратора произведения, фигура ненадежного рассказчика [4].

Таким образом, язык «Другого» становится инструментом сопротивления, позволяя выразить уникальный этнический опыт в глобальном контексте.

2. Контрастные образы (агрессор//жертва): создание типажа «благородного завоевателя» или, напротив, «агрессивного чужака», что служит ещё одним инструментом отчуждения.

3. Пространственные образы (метрополия//окраина): «Другой» локализован. В литературе это выражается через метафору границы, окраины, джунглей или пустыни, противопоставление города/деревни, промышленного/пасторального. Пространство метрополии мыслится как структурированный центр, в то время как пространство «Иного» — как хаотическая периферия. Постколониальные авторы часто прибегают к инверсии: они делают периферию центром повествования, тем самым лишая «колониальный взгляд» его доминирующего положения.

Авторы постколониального текста часто стремятся деконструировать эти бинарные оппозиции, переходя к концепции «Третьего пространства» (по Хоми Бхабха), где идентичность гибридна и неочевидна. Например: герои-эмигранты (С. Рушди, А. Адиги, А. Рой, Ш. Дешпанде и другие); обнищавшие маргинализованные слои населения, потерявшие финансово-экономическую независимость в связи с колонизацией/деколонизацией родного пространства (К. Маркандайя, М. Андад, А. Десаи). Хоми Бхабха добавляет для объяснения данных состояний концепции «гибридности» и «мимикрии». Для него герой-субалтерн существует в пограничном состоянии («лимб»), постоянно балансируя между навязанной идентичностью колонизатора и невозможностью вернуться к своим истокам. Таким образом, субалтернность становится не только социальным статусом, но и спец-

ифическим способом существования в культуре.

Можно также заметить, что «Иной» перестает быть монолитным. Авторы демонстрируют внутреннюю дифференциацию «чужого» мира, разрушая стереотип о его однородности. Это достигается через введение полифонии и множественности точек зрения (полифоническое и фрагментарное построение текстов С. Рушди, А. Адиги, А. Рой, А. Аппачаны).

На основе анализа текстов указанных исследователей можно выделить следующие повторяющиеся критерии субалтерн-героя:

1. Отсутствие права на автономное высказывание: Герой не обладает инструментами для саморепрезентации, поэтому выбираемый «голос» звучит именно на английском языке, а не родном. Так, писатели – индийцы, получившие «Букеровскую» премию для изображения субалтерн-герои избирали именно язык бывшей метрополии (Салман Рушди («Midnight's Children», 1981), Арундхати Рой («The God of Small Things», 1997) и Аравинд Адига («White tiger», 2008). Первое прозаическое произведение, написанное на английском – «Rahmonan's wife», (Б.Ч. Чоттопадхьяя, 1864) повествует нам о «женском» голосе субалтерна. Главный герой — бедный мусульманский крестьянин Рахмонан из деревни недалеко от Калькутты. Он работает батраком у богатого землевладельца (Бабу), пашет землю на волах, являясь экономически связанным договором с землевладельцем. Его жена, безымянная (субалтерн), — молодая женщина, изможденная голодом, тяжелым трудом и беременностью. Она болеет лихорадкой, тело ее истощено, но Рахмонан не может позволить себе лекарства или отвезти её в ближайший город — долг перед Бабу становится важнее здоровья супруги, которая имеет единственную дефиницию — «жена Рахмонана». Рахмонан возвращается с поля и застает жену в агонии: она корчится от боли, шепчет о ребенке в утробе. Он бросается к ней, но она умирает на его руках, так и не родив.

2. Субалтерн находится вне рамок официальной политической и правовой защиты, являясь «невидимым» для государства (герои-далиты в современной индийской англоязычной литературе в текстах А. Адиги, С. Рушди, А. Рой и других).

3. Гибридность идентичности: Герой не принадлежит полностью ни к традиционной автохтонной культуре, ни к культуре метрополии, находясь в состоянии постоянного внутреннего конфликта [4]. Наиболее яркой гибридностью наделены герои-эмигранты в произведениях С. Рушди, А. Рой и А. Адиги.

В романе Салмана Рушди «Дети полуночи» гибридность Салема Синая достигает метафизического уровня: сознание становится вместилищем множественных, за-

частую антагонистичных голосов. Будучи «сцепленным» с историей, герой не может идентифицировать себя исключительно через касту или религию, так как его биологическое и социальное происхождение намеренно запутано. Рушди демонстрирует, что для субъекта-эмигранта или человека переходной эпохи идентичность — это не наследование, а непрерывный процесс конструирования субъектности из «осколков памяти», где знание английского языка и британских канонов сосуществует с мистикой индийской повседневности и мифологическим мышлением, что создает эффект культурной амбивалентности и гибридности.

Арундати Рой в романе «Бог мелочей» деконструирует гибридность через призму «субъектов-англофилов», таких как Паппачи и Чакко. Их трагедия заключается в «неполноценной мимикрии»: они усвоили внешние атрибуты и интеллектуальный аппарат колонизаторов, но остаются чужаками в обеих системах. Для Рахель и Эсты гибридность проявляется в нарушении «Законов Любви», которые определяют, «кого и как следует любить». Их идентичность формируется на стыке малаяламской традиции и западной поп-культуры, что превращает их в маргиналов, чье существование само по себе является актом неповиновения фиксированным социальным иерархиям.

Аравинд Адига в романе «Белый тигр» гибридность принимает форму социальной мимикрии. Балрам Халваи совершает трансгрессию из «Тьмы» (феодалной, традиционной Индии) в «Свет» (капиталистический, глобализованный мир большого города), однако этот переход не ведет к обретению целостности. Герой вынужден постоянно менять маски, адаптируя свою идентичность под требования капиталистического рынка. Его гибридность — стратегия выживания «полуавтономного» субъекта. Здесь конфликт между «автохтонным» прошлым и «метропольными» амбициями разрешается через циничную прагматику, обнажая разрыв между национальным мифом и глобальной реальностью.

Таким образом, для героев указанных авторов ситуация «между» перестает быть зоной пассивного страдания и превращается в пространство радикальной субъективности. Внутренний конфликт героя-субалтерна становится механизмом деконструкции бинарных оппозиций «Восток — Запад», утверждая множественность и гибридность как единственно возможную возможность обретения голоса и субъектности.

4. Оппозиционность через фрагментарность: Сопротивление субалтерна часто носит не организованный, а стихийный, фрагментарный характер, который сложно зафиксировать в линейной истории [5]. Для передачи данного критерия авторы используют фрагментарное повествование (авторский метод С.Рушди, А.Гош, А.Рой).

Салман Рушди в романе «Дети Полуночи» конструирует нелинейную мозаику из эпизодов, связанных с жизнью Салема Синая, где исторические события индийской независимости фрагментированы, благодаря приёмам магического реализма, автор описывает множественные временные разрывы, отражая хаотичность сознания субалтерна и нестабильность времени. Фрагменты нарратива — сновидческие видения, монологи и дневники, газетные заметки — не подчиняются хронологии, тем самым имитируя эфемерность народных бунтов, которые ускользают от официальной историографии.

Арундати Рой в романе «Бог мелочей» усиливает этот эффект через нехронологическую структуру, где повествование распадается на сенсорные фрагменты, фокусирующиеся на кастовой и гендерной разнице персонажей Эсты и Рауля. Разрывы в фабуле, повторяющиеся мотивы амбивалентности любви и насилия, а также интертекстуальные вставки локальных мифов подчеркивают фрагментарность сознания и самого субалтерна.

Амитав Гхош в трилогии «Маковое море» развивает фрагментарность через полифонию голосов героев: опиумных торговцев, пиратов и кули, репрезентируя персонажей - субалтернов из низших слоев общества, где нарратив дробится на эпистолярные фрагменты, дневниковые записи и устные предания. Эта техника фиксирует стихийное сопротивление колониальной экономике: бунты матросов или саботаж работников плантаций изображаются как разрозненные инциденты, интегрируемые в глобальный поток, не поддающиеся линейному нарративу, что подчеркивает их радикальную амбивалентность и разрозненность.

5. Эпистемологическое насилие: Герой является объектом интеллектуального воздействия, при котором его способы познания мира объявляются нерациональными или несуществующими, что зачастую становится основой для внутреннего конфликта.

Так, герой нигерийского прозаика Чинуа Ачебе — Оконкво («И пришло разрушение») становится классическим примером героя, который становится субалтерном в процессе столкновения с британской администрацией. Его традиционная мужественность и статус в племени обесцениваются новыми законами, которые он не понимает. Его самоубийство — это радикальный акт «говорения» в ситуации, когда слова больше не имеют веса.

В индийской литературе подобным способом высказывания без слов является

Доподи Меджхен (Махашвета Деви, рассказ «Драупади»): Героиня из племенного сообщества Индии, участвующая в восстании. Подвергаясь насилию со стороны

полиции, она отказывается прикрывать свое тело, превращая следы пыток в символ поражения власти. Гаятри Спивак в предисловии к рассказу «Драупади» отмечает, что два варианта ее имени указывают на то, что либо она не может произнести санскритский вариант, либо племенной вариант «Допди» — это настоящее имя древней жены эпических героев - Пандавов. «Допди» — в списке разыскиваемых лиц, но ее имени нет в списке подходящих имен для женщин из племен. Полиция долго и упорно ищет Допди и ее мужа Дулну Маджи, которые скрылись в «неандертальской тьме». Они принадлежат к племени санталов и скрываются в лесах Джаркхани от преследования. Операция «Лес Джаркхани» не прекратится, пока не будет схвачена Допди, которая выведет полицию на остальных. Это именно тот тип субалтерна, о котором писала Спивак: ее сопротивление происходит вне языка, но через физическое присутствие.

Герой Салим Синай Салмана Рушди («Дети полуночи») становится воплощением критериев Хоми Бхабхи. Его жизнь буквально переплетена с историей нации, а его

физические дефекты и телесная «треснутость» символизируют гибридность постколониальной Индии. Он — субъект, чей голос фрагментарен и фантазмагоричен.

Проблема «Другого» в постколониальном дискурсе литератур народов мира — это не только вопрос категории социально выраженного героя, но и вопрос поэтики. Переход от объекта колониального наблюдения к субъекту собственного высказывания и становление категории «субалтерн-герой» знаменует собой важный этап в развитии мировой литературы. Дальнейшие исследования в этом направлении позволят глубже понять механизмы культурного диалога и способы преодоления исторических травм через художественное слово. Выявление критериев категории «субалтерн – герой» дает возможность чистой литературоведческой категоризации, освобожденной от социальных, политических и других смежных областей гуманитарного знания, благодаря обращению к поэтике и строению художественных образов, культурно-лингвистическим аспектам произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саид Э.В. Культура и империализм / Э.В. Саид. — Москва: Владимир Даль, 2012.
2. Спивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? / Г.Ч. Спивак; пер. с англ. Д. Кралечкина. — Москва: V-A-C Press, 2022.
3. Толкачев Сергей Петрович Рушди Ахмед Салман // Знание. Понимание. Умение. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rushdi-ahmed-salman> (дата обращения: 20.02.2026).
4. Толкачев С.П. Смешение культур и чуждых этических систем как источник тематики постколониальных романов // Вестник ННГУ. 2015. №2–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/cmeshenie-kultur-i-chuzhdyh-eticheskikh-sistem-kak-istochnik-tematiki-postkolonialnyh-romanov> (дата обращения: 20.02.2026).
5. Хабибуллина Лилия Фуатовна. «Травма истории в романе арундати рой «Бог мелочей»» Новое прошлое / The New Past, no. 2, 2023, pp. 151–162.
6. Bhabha H. Culture's in-between / H. Bhabha // Questions of Cultural Identity / ed. by Stuart Hall, Paul du Gay. — London: SAGE, 2008.
7. Guha S. speaking historically: the changing voices of historical narration in Western India, 1400-1900 // American historical review. - bloomington, 2004. - Vol. 109. - № 4 (October), 1084-1103.

© Филиппова Татьяна Владимировна (tangrol@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»